

Часть 1 ОПЕРАЦИЯ «АНДРОМЕДА»

*3 марта 1942 года, 03:05. Москва, Кремль,
кабинет Верховного Главнокомандующего*

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

вр. и. д. начальника генштаба генерал-лейтенант Александр Михайлович Василевский;

посол РФ в СССР Сергей Борисович Иванов;

командующий экспедиционными силами генерал-лейтенант Андрей Николаевич Матвеев.

Расстеленная на столе у Верховного огромная карта-склейка изображала линию фронта от Балтийского до Черного моря во всем ее многообразии. Начинаясь у Баренцева моря на подступах к Мурманску, она на какое-то время растворялась в лесотундре, пунктиром пересекая северную Финляндию с востока на запад, примерно совпадая с руслом реки Кемиёки, и упиралась в побережье Ботнического залива. Исключение из этого правила советское

командование сделало только для важного транспортного узла города Рованиеми, захваченного советским воздушным десантом. Поскольку в глубине Норвегии не было немецких воинских частей, за исключением люфтваффе, а финны вроде как сдались, нахальная десантная операция в условиях, приближенных к полярной ночи¹, увенчалась блестящим успехом. При этом десантникам удалось захватить расположенный поблизости аэродром с тридцатью транспортными самолетами «тетушка Ю», десятком «лаптежников», четырьмя сто девятыми «мессершмиттами», одним связным «физелер штормом» и одним ближним разведчиком «хеншель-126».

Попытки немецкого 36-го горного корпуса, ведущего бои с советским 42-м стрелковым корпусом за Алакуртти, развернуть часть сил и разблокировать транспортный узел закончились ожидаемым фиаско еще до начала операции. Для начала половина сил корпуса, 6-я пехотная дивизия финской армии, вышла из войны, прекратила свое существование как боевая единица и, разбившись на мелкие группы, двинулась в южном направлении на соединение со «своими». Чтобы достичь Рованиеми, частям второй половины корпуса 169-й немецкой пехотной дивизии предстояло совершить пеший марш от линии фронта по узкой проселочной дороге длиной в двести с лишним километров. И это в тридцатиградусный мороз и в условиях полярной ночи. Но это не все. В конце этого смертного пути продолжительностью в десять-двенадцать дней немецких горных стрелков ожидал окопавшийся противник, имеющий поддержку с воздуха и регулярное снаб-

¹ Город Рованиеми располагается фактически на линии Полярного круга.

жение. Поэтому отданный сгоряча приказ был отменен, и части корпуса начали свой смертный анабазис к арктическому побережью длиной в шестьсот пятьдесят километров с целью соединиться с осаждающим Мурманск корпусом генерала Дитля. А чтобы немцы по дороге не скучали, их колонны по пятам преследовали советские части, а вдобавок к этому штурмовала авиация.

Южнее этой условной «линии Кемиёки» вперемишку бродили ушедшие в леса белофинны из «Шюцкора» и дезертиры из белофинской армии, а немногочисленные отряды финской Красной гвардии, а также подразделения РККА и НКВД занимали гарнизонами небольшие городки и крупные села. Там, в непроходимых лесных массивах, подразделения ОСНАЗа НКВД не на жизнь, а на смерть вели «малую войну» с белофинскими бандформированиями и недобитками, не желавшими сдаваться в советский плен. Взводные тактические группы ОСНАЗа выслеживали и уничтожали банды, используя оснащенные тепловизорами транспортно-ударные вертолеты Ми-8 АМТШ, беспилотники и самолеты-разведчики. В первую очередь зачистке подвергались территории в окрестностях небольших городков и железных дорог, и только потом — более отдаленные лесные массивы. Тактику отрабатывали еще в Прибалтике, когда таким же образом после рывка на Ригу на освобожденной территории в кратчайшие сроки удалось передавить всех попытавшихся скрыться в лесах кайтселей и айзасаргов¹.

Также советские десанты заняли Аландские острова, а южнее, в Прибалтике, под контролем

¹ *Кайтсели* — эстонская буржуазно-националистическая организация, *айзасарги* — латышская.

Красной Армии находилась почти вся Эстония (включая Моонзундский архипелаг) и половина Латвии. Остатки немецкой 18-й армии в котле под Пярну скукожились на столь минимальной территории, что советская корпусная артиллерия могла простреливать немецкий котел насквозь. Это сыграло свою роль воздушный террор потомков, почти что начисто прервавших связь немецких окруженных частей со своим фатерляндом. Под Ригой линия фронта снова выныривала из моря и далее в основном проходила по руслу Западной Двины до Даугавпилса. А далее — Полоцк — Лепель — Борисов — Бобруйск — Речица и по линии Днепра до самого устья, включая Киевский и Херсонский плацдармы на правом берегу реки.

Верховный внимательно разглядывал карту, словно надеясь разглядеть на ней некие знаки судьбы, а потом произнес:

— Изменения по сравнению с другим вариантом истории просто разительные. Но за это нам следует благодарить не некоторых наших косоруких генералов и маршалов, а товарищей из будущего, которые оказали нам неоценимую поддержку в самый тяжелый момент. За прошедшие полгода Красная Армия закончила мобилизацию, а также получила отличный боевой опыт. И пусть у нас не все так хорошо, как хотелось бы, но кое-что мы уже можем, тем более что наши потомки сражаются не только в составе экспедиционных сил, но и добровольцами в рядах РККА. Есть у нас уже и закаленные в боях дивизии и бригады, есть и проверенные делом генералы и старшие офицеры. Разгром белофиннов высвободил для дальнейших действий как минимум три армии, и теперь мы хотим знать, каковы планы у нашего Генштаба по поводу весенне-летней кампании.

— Весна, товарищ Сталин, это всегда распутица, — сказал Василевский. — Первыми дороги просохнут в степях правобережной Украины. Тем более следует учесть, что на том участке фронта мы пока не проводили операций с решающим результатом, а немцы еще прошлой осенью изрядно разукомплектовали группу армий «Юг», переложив основную часть военных забот на плечи румын и венгров.

— И вы, товарищ Василевский, предлагаете воспользоваться этим обстоятельством? — спросил вождь.

— Так точно, товарищ Сталин, — ответил тот, — предлагаю. Вслед за Финляндией было бы неплохо выбить из войны Румынию, а может быть, и Венгрию. Большая часть вражеских войск расположена вдоль линии фронта в излучине Днепра восточнее линии Киев — Одесса. Если нанести сходящиеся удары с Киевского, Херсонского и Одесского плацдармов — вот так, то у нас должно получиться окружить и разгромить основные силы вражеской группы армий «Юг». В случае успеха в окружение попадут большая часть румынской и почти половина венгерской армии, вкуче с несколькими немецкими дивизиями.

— Товарищ Василевский, а не получится ли так, что задолго до достижения конечной цели операции наши подвижные соединения потеряют свою пробивную мощь? — строго спросил Верховный. — Ведь от Киева, Херсона и Одессы до Умани, где, по нашим замыслам, замкнется окружение — от двухсот до трехсот километров, а насколько я помню, наши танки Т-34 и КВ довоенных выпусков физически не способны пройти без серьезных поломок более ста пятидесяти километров.

— Танковый корпус Катукова, — сказал Василевский, — а также аналогичные ему корпуса Лизюкова

и Рыбалко на модернизированной технике такое расстояние пройти вполне смогут, как и боевые машины из состава Российских экспедиционных сил.

— Экспедиционные силы? — переспросил Сталин. — А мы и не думали, что это формирование хотя бы еще раз примет непосредственное участие в боевых действиях.

— Наше командование сочло полезным продолжение непосредственного участия наших экспедиционных сил в боевых действиях, — сказал генерал Матвеев, — ибо полученный таким образом боевой опыт неоценим. Во всех наших частях и соединениях прошла ротация, и мы не видим препятствий к тому, чтобы еще раз использовать наши силы в бою, по крайней мере, до тех пор, пока бои будут идти на территории СССР. Вместе с тем хотел бы сказать, что авантюрой было бы начинать операцию ранее начала мая, как бы вам ни хотелось поскорее освободить советскую территорию от захватчиков. Во-первых, операцию необходимо тщательно подготовить, сосредоточив на плацдармах необходимый наряд сил и средств. Во-вторых, требуется дожидаться окончания распутицы. Дороги у вас по большей части грунтовые, и прежде чем они просохнут, начинать наступление — авантюра. Кроме того, хотел бы заметить, что наступление на фронте желательно совместить с политическими действиями, которые бы переманили на сторону Советского Союза Болгарию. Успех на этом направлении даст вам возможность проникнуть вглубь вражеского стратегического построения на тысячу километров и под корень подрубить весь южный фланг прогерманской коалиции.

— Погодите, товарищ Матвеев, — сказал Верховный, — скажите яснее, что вы имеете в виду под словами «политические действия».

Вместо генерала Матвеева заговорил Сергей Иванов:

— Болгария и в Первую мировую, и в эту войну находится в составе прогерманских коалиций лишь по той причине, что более никто другой не обещает ей вернуть исконные болгарские территории, отторгнутые в свою пользу Румынией, Грецией и Сербией еще в ходе Балканских войн... Сейчас они владеют этими землями де-факто, но как только прогерманская коалиция войну проиграет, Болгарию не только заставят вернуть все обратно, но и еще больше урежут ее территорию в пользу Греции, целиком лишив выхода к Эгейскому морю. Если вы сможете гарантировать болгарам сохранение своих исконных земель, то Болгария, скорее всего, выйдет из союза с Германией и вступит в союз с СССР. И тогда немцам придется несладко. Во-первых, будут разорваны коммуникации, ведущие к оккупирующей Грецию группе армий «Зет». Во-вторых, окажутся нарушены перевозки речным транспортом по Дунаю. А ведь таким образом в Германию на переработку доставляется большая часть плоештинской нефти. В-третьих, Румыния окажется взятой в клещи между болгарской и советской армиями, и в таком случае диктаторский режим Антонеску долго не продержится.

— Мы вас поняли, товарищ Матвеев, — кивнул Верховный, взяв в руки трубку, — и звучат ваши слова, конечно, очень завлекательно. Но хотелось бы знать, что по этому поводу подумают греческие и югославские товарищи, которые считают, что по итогам войны эти территории снова вернутся к своим законным владельцам.

— Для начала, — сказал Сергей Иванов, — надо понять, каковы в этом деле интересы Советского Союза и кем нам приходится болгары, румыны,

греки и югославы — истинными товарищами или же попутчиками и нахлебниками. Там, в нашем прошлом, в разгар развитого социализма политическая и экономическая синхронизация между Болгарией и СССР была такой плотной, что Болгарию называли еще одной внештатной республикой Советского Союза. А вот с остальными странами не все так благобно. Югославия — это рыхлый конгломерат земель, кое-как собранных вокруг сербской короны, и Македония (или Вардарская бановина), в семействе мамки-Сербии — самый запущенный ребенок. На ее территории самая низкая продолжительность жизни, самый высокий уровень безграмотности и самые плохие дороги. К концу двадцатого века только менее десяти процентов граждан Югославии считали себя именно югославами, а не сербами, хорватами, боснийцами, словенцами и македонцами. И в основном это были дети от смешанных браков. Югославская нация так и осталась политической фикцией. К тому же нынешний лидер антифашистского сопротивления Иосип Броз Тито на самом деле нам не друг (хоть и коммунист), а всего лишь попутчик, который себе на уме. Как только закончится война, он начнет репрессии против своих же товарищей, придерживающихся просоветских взглядов. Эдакий балканский Наполеон карманного масштаба. Что касается Греции, то она никогда не была союзницей ни Российской империи, ни Советского Союза, постоянно пребывая в зоне британского влияния. Кроме того, греческое государство с середины девятнадцатого века проводило на своей территории так называемую эллинизацию, и этнические чистки негреческого населения, а так называемое мировое сообщество, то есть англосаксы, всегда закрывало на это глаза. Они бы и на Гитлера закры-

ли глаза, если бы он осуществлял геноцид только в отношении славян. Что касается Румынии — то это такая страна, в обход которой Советскому Союзу и Болгарии пришлось организовывать специальную железнодорожную паромную переправу, чтобы грузы не разворачивали по дороге.

— Товарищ Иванов, — сказал Сталин, чиркнув спичкой и сделав первую затяжку, — мы еще подумаем над этим вопросом, но в принципе, поскольку мы уже решили не связывать себе руки довоенным статус-кво, в вашем предложении нет ничего невозможного. Финляндию мы в состав Советского Союза присоединили, и как Черчилль ни орал, так и не смог ничего сделать. Руки коротки! Болгарская армия, воюющая в одном строю с нашей — это серьезный аргумент при рассмотрении территориального спора. И в то же время, прежде чем браться за решения таких вопросов, необходимо тридцать три раза тщательно все взвесить и отмерить, и только потом судить. Мы уже знаем, сколько дров мы наломали на нашей собственной советской территории, когда отдавали армянские земли в состав Азербайджана, осетинские — в состав Грузии, а территории с русским населением вошли в состав Украины и Казахстана. Есть мнение, что в таком случае все зависит от усердия самих болгар в деле борьбы с гитлеровской Германией, их желания стать еще одной советской республикой, а также желания жителей спорных территорий жить с ними и нами в одном государстве. Что бы там по этому поводу ни говорили господа в Лондоне и Вашингтоне. На этом, пожалуй, все, товарищи. Все свободны. А вы, товарищ Иванов, будьте добры, все-таки задержитесь на несколько минут. Есть один разговор.

Пять минут спустя, там же

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий, нарком обороны и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин;

посол РФ в СССР — Сергей Борисович Иванов.

Когда, собрав свою карту, генералы вышли, Верховный прошелся вдоль стола, и, положив потухшую трубку в пепельницу, задумчиво произнес:

— Я с вами, товарищ Иванов, хочу поговорить с глазу на глаз, без генералов, а потому с полной откровенностью. Нашим военным не следует знать слишком много о политике, а то они начнут отвлекаться от своих непосредственных задач. Сказать честно, решение о возобновлении наземных операций вашими экспедиционными силами стало для меня неожиданностью...

— А вы, товарищ Сталин, неожиданностей не любите... — ответил Иванов.

— Да, — сказал вождь, — не люблю. Приятные неожиданности случаются редко, а вот неприятные — очень часто. И хоть последняя неожиданность оказалась достаточно приятной, но все равно, скажите — с чего вдруг такая щедрость?

— Войну надо заканчивать, товарищ Сталин, — неожиданно серьезным тоном сказал Сергей Иванов, — и как можно скорее. Причем заканчивать правильно. Серия стремительных ударов, нарубающая вермахт и его союзников на порционные куски. А потом — безоговорочная (но можно и почетная) капитуляция врага, граница — отодвинута на запад до Ла-Манша... и непременно Парад Победы в Москве. И чтобы ни одна собака — ни из Лондона, ни из

Вашингтона — не смела гавкнуть, что мы на что-то не имеем права. Мы можем все — по Праву Победителей. Но для такого сценария нужны сила и опыт, а их у Красной Армии в целом пока недостаточно. Следовательно, на острия ударов надо ставить ваши лучшие соединения и лучших генералов — вроде Катукова, Рокоссовского и Жукова и наших, пусть и не хватающих звезд с неба, профессионалов, которые сумеют решить поставленную задачу. Если в самом начале мы действовали вынужденно, в порядке отражения агрессии, то потом... потом оказалось, что эта война для нашего народа в самом деле священна и победа над Гитлером нужна людям по обе стороны Врат. Поток добровольцев, желающих сражаться в рядах Красной Армии, не убывает, а действующие военнослужащие пишут рапорта о переводе в соединения, действующие в составе экспедиционных сил...

— Мы об этом знаем, — кивнул Верховный, — и очень ценим то, что сделали для нас ваши люди. Ваше государство помогало нам из прагматических соображений и за большие деньги, а вот люди пошли на войну по зову своей души. И мы им за это очень благодарны, что бы там ни говорили по этому поводу отдельные товарищи — с ними мы еще разберемся...

— Да, это так, товарищ Сталин, — согласился Сергей Иванов, — победа в этой войне с нацизмом — краеугольный камень существования нашего государства. Она определяет, что есть добро, а что есть зло, и те, что думают иначе, составляют ничтожное меньшинство. Но Гитлер — всего лишь несмешной клоун с дурацкими усиками. На самом деле он — это внешнее проявление закоренелой проблемы. Советского Союза и системы социализма нет уже почти тридцать лет, а патологическая ненависть элит